

Татъяна Алфeрова
ТАТЬЯНА, ВАССА,
АКУЛИНА

люди и книги
Санкт-Петербург

ТАТЬЯНА, ВАССА, АКУЛИНА

Повесть

220 об

РОЖДЕСТВЕНСКОЙ КНИГИ НА 1868 ГОДА

Счетъ ро- дившихся.		Мѣсяцъ и день.		Имена родив- шихся.	Званіе, имя, отчество и фамилія родителей, и какого вѣроиспо- вѣданія.	Званіе, имя, отчество и фамилія восприемниковъ.
Мужска пола.	Женска пола.	Роже- нія.	Креще- нія.			
	41	21	24	Василина	Древльи Горюхъ солдатъ Константиль Вассо- новъ и законная жена его Татьяна Кондро- това, оба православно вѣроисповѣданія.	Древльи Горюхъ кри- стьянская жена? На- талья Косишна?
					Свещенникъ Косинъ Аркадій?—	

К. Улановъ 2-ой Топографъ 56.

I

ЛИЧНОЕ

Вряд ли я родилась для того, чтобы записать голоса тех женщин, чья кровь течет во мне. Хотя им было о чем сказать: о земле, о семье, о боли и любви, о красоте и ненависти.

Я родилась завершить историю «по женской линии». Не ждала, не хотела, но куда денешься. Жребий не выбирают.

«Женская» нить вечно норовила прерваться, в каком колене родства ни начни разбирать переплетающиеся корни. Даже если у предков не рождалось много сыновей, да пусть бы один и был – они оставляли потомков в количестве достаточном, чтобы продолжить род. Но сколько бы ни появлялось дочерей... Эх, а вот тут засада! Либо рано умирали, либо замуж не выходили, либо рожали только мальчишек: кто как мог исхитрились нашу женскую линию оборвать. Почему? Не ответят. В каждом колене больше одной связи по женской

линии не насчитывалось, начиная с XVIII века, а более древние документы утрачены. Так не могло продолжаться бесконечно, и вот я последняя...

Бабушка рассказывала, как ее свекровь предупреждала:

– Машутка, здесь девки не родятся! Уходите с нашего двора!

Ее свекровь, моя прабабушка Алена, знала о чем говорила, она родила одиннадцать сыновей и ни одной дочери.

Бабушка родила трех сыновей и только после того, как переехали в свой дом, родилась дочь – моя мама. Как верить теории вероятности? Верить можно в наследственность и семейные предания, если они сохранились.

Но есть еще счастливые случайности.

Отыскалась моя троюродная сестра, с именем, как Волга, протяжным и струящимся: На-та-ли-я. Сестра работает с архивом Ярославской губернии, выпустила несколько книг по генеалогии наших предков; она снабдила меня выписками из исповедных росписей и метрических книг XVIII–XIX веков, главных документов, на которые стоит опираться в истории семьи (это до 1897 года, когда случилась общая перепись населения, все разъяснившая и уточнившая. За той переписью поехал на Сахалин Чехов, сбегая от любви).

Исповедные росписи – список семей с детьми старше шести лет, то, что фиксировали дьячки при исповеди, обычно перед Пасхой. Метрические книги, хранящиеся в церковном архиве, – это свидетельства о рождении, с указанием крестных-восприемников (важные

записи, они проясняют связи в семье, кто кому близок), свидетельства брака и смерти...

Как повезло Нефертити, утвердившейся в трех тысячах веков благодаря гениальному неведомому скульптору*. Хендрикке, подаренной нам Рембрандтом (три с половиной века ее памяти посчитать легче). Татьяне Берс – то ли Китти, то ли Наташе Ростовской от Льва Толстого (это совсем близко, первые мои героини родились раньше).

Я хочу оставить хотя бы тень, легкую, невесомую, скользнувшую по ярославской земле за крепкими и основательными моими прародительницами. Они были прекрасны и удивительны! Они остались неизвестными, без шанса «запечатлеться», потому что – крестьянки. Наверное, из-за этого художник Тропинин не оставил нам имена своих мадонн.

Я знаю имена своих. Я назову их.

АКУЛИНА

Акулину выдали замуж в чужую далекую деревню Копосово, считай, за старого. Выпихнули! Ей едва исполнилось четырнадцать, а жених на пять лет старше: засмеют подружки, что за старика выдали. Она-то еще с младшими девками в беседе хороводилась, с теми, что только поджидают замужества, только учатся у старших, как улыбнуться, как глаза вбок скосить,

---

* Если точнее – почти три с половиной тысячелетия. Скульптор, конечно, был не один. Производство голов Нефертити поставили на поток; найдены, в основном, заготовки-полуфабрикаты.

кокетничая. Но не терпелось родителям ее с рук сбавить. Или боялись, что позже станет уже хорошо заметно, что невеста – недоросток, забракуют женихи, засидится Акулина в девках, а то и останется камнем на шее. Пока ей мало лет, всяко можно сказать, что еще вытанется, что у них в роду всегда так, потом дорастают.

Молоденькие подружки и прочие девки, что вечно таскаются на беседу-посиделки, хотя их не ждали (суют угощенье хозяйке избы, где «гуляют», вот и пускают за угощение) еще только присматривались к возможным женихам. Если кого-то и сосватают, то за ровесника, а кому повезет – за женихов младше себя. Младше – это хорошо. Значит, муж не станет драться и бить жену, пока не вырастет, не повзрослеет. Ну, а когда вырастет... Так это еще нескоро.

Акулине не повезло. Жениха она даже на гуляниях, что на краю деревни устраивают, не видела, не то что на беседе – «старый» же, куда ему на беседу. На беседе не только прядут, но и песни заводят, смеются, играют, даже пляшут, когда парни приходят. И деревня его далеко от ее родной: надоест ходить-то. Деревня, правда, подгородная, считай, что под самым Рыбинском, наиважнейшим городом, хлебной биржей государства! Пусть царь живет в Санкт-Петербурге, но что такое Петербург, если весь хлеб в Рыбинске? Да и кто его, Петербург, видел-то? Слышал-то кто о нем достоверное? А Рыбинск – да, это Город! Деревня Копосово и сама большущая, домов аж на две улицы настроено.

Что и говорить, деревня у жениха хороша. Но не сам жених.

Плакать Акулина не плакала, смысла нет, непрактично сие, но руки после пряжи – между пальцев, понятно, темные полосы – не помыла перед приездом сватов, понадеялась, что скажут: неопрятная.

Так же будут поступать ее внучки и правнучки (по секрету: моя бабушка так сделала, когда приехали сваты деда). Это ведь отличное средство! Одна беда – не работает. Не поможет, что Акулине, что трем поколениям невест, ее дочерей-внучек-правнучек, потом, позже...

Почему этот жених из далекой зажиточной деревни посватал именно Акулину – неизвестно. Молчат исповедные росписи, молчат метрические книги. Они в принципе скупые и ревнивые собеседники, не всякому отвечают. Но уж если откроются и забудут ревновать, только успевай ловить полуторавековой давности новости о своих родных: кто у кого родился, кто где учился, у кого крыша дранкой крыта, у кого – соломою, кто был приказчиком в мелочной лавке, кто вольноотпущенным, кто из Московского гренадерского полка. (Ох, увлеклась, про крышу – это в переписи от 1897 года, а про то, кто был приказчиком, можно и в исповедной росписи прочитать).

Акулине повезло в другом: не родила через год после свадьбы, как обычно случалось с молодухами. Работала она от зари и допоздна, уставала, спала на ходу в прямом смысле. Сон таков: идешь за лошадью, держишься за край телеги-одра и спишь; разве когда о камешек или корень споткнешься, проснешься ненадолго; а так до дома спишь, пока телега с сеном, снопами или еще с каким грузом не доедет до ворот. Но это все неважно. Ей повезло по-крупному, да. Родила не через год: через два.

Это ей уже шестнадцать стукнуло, ну, взрослая почти баба, да что там, без всяких почти. И вытянулась Акулина к той поре, считай, на вершок подросла после свадьбы. Уже не недоросток. Зря родители боялись, нормальная Акулина выросла! Нормального роста! Подождали бы чуток со свадьбой, и женихи бы нашлись поближе, можно бы и не спроваживать дочку в такую даль. А то на чужой-то воде, там, где Волга весной разливается по берегам, цвет меняет, где травы на лугах цветут незнакомые, где, прямо скажем, еда посытнее, чем в родном доме, в той-то далекой деревне у Акулины вот какая напасть проявилась: рыжесть стала. И волосы, и брови. И подмышки даже. Страшно! Рыжих колдунами считают, верят, что сглазить могут.

Но Акулина не ярко-рыжая, разве на солнце такой кажется. На то зола есть: можно волосы обсыпать, да их и не видать под кикой, под женским убором. А вот брови приходилось золой натирать от рыжины поначалу. Но зеркал в избе нет, родные не укоряют. Акулина привыкла к себе такой и отстала от золы, пусть как есть.

Во многом Акулине с новой мужчиной семьей повезло, что бога гневить. Деревня, куда ее отдали, хоть и чужая, а оказалась краше родной. Вечером солнце наваливается животом на березовую рощу над Волгой, а трава еще светится, от росы ранней или от чего другого. И ведь ни папоротника, ни осоки режущей, а все мягкая травка, попадается, правда, подмаренник курдюный или волжанка высокая, ну, туда скотина и сама не идет. За домами богатые заливные луга, розовый клевер, белая кашка, да низенькая мурава овсяница:

коровам раздолье. Порой коровы клевером объедались так, что животы у них болели! Скотины в деревне с избытком. Лошадей, чуть не в каждом дворе, мало по паре – по три-четыре, а еще жеребятки-стригунки. Коров у хозяек по пять – не то десять, у иных и по двадцать! Овец можно за порядочный скот не считать, хотя овец-то как раз было немного. Разве последние лентяи да пьяницы отставали, не держали много скотинки. Пьяниц в Копосово больше, чем в обычных деревнях. Это понятно: до города с его соблазнами и кабаками рукой подать.

Коров держали для надельных полей, для навоза: землю удобрять. В те времена о молоке мало думали, сами пили молоко, своей семьей, не копили его, не продавали еще на сыроварни. Да и коровки доились скудно. Лошади – вот кормилицы. И пахали на них, и боронили. А за деньги, за настоящие, можно было на лошадаках отвозить грузы в город, на Волгу на баржи, где летом работы немерено. Караван за караваном в очередь стоят у пристани, только успевай поворачиваться. Волга же – вот она, рядом, движение на ней бесконечное, суетливое: расшивы парусами щелкают, снуют, как синички. Но и город рядом, а город – это искушение, многие там пропадают, в зимогоры перекидываются на отходный промысел*, спиваются.

Это все постепенно Акулина узнавала. Поначалу она свой новый дом осваивала – как ребенок говорить

---

* Отход, отходный, или отхожий промысел – работа крестьян вне своей деревни, обычно сезонная. Но случается и круглогодичная. Зимогоры (здесь имеет негативный оттенок) перебиваются зимой в городе, не возвращаясь домой, практически без заработка.

учится. Это можно (да), это нельзя (нет), это надо (дай), а вот это – кровь из носу сделай, не то умри (а-та-та). Мужа страшилась больше всех, но через пару недель поняла, что с этой стороны нет опасности. Да что говорить, первую пару недель она как в шорах была – не чуяла себя, обвыкалась. Лишь привычная домашняя работа спасала от страха. А еще племянник-сирота Тимошка, что в доме жил по убогости (дурачком родился). Акулина прикидывала: если уж дурачка, сироту, не обижают, может, и с ней не будут суровы?

Свекровь оказалась ласковая и тихая, а вот свекор непростой. Его Акулина побаивалась, хоть тот не кричал, не дрался. Но так умел сказать, негромко и внушительно, что Акулина к бревенчатой стенке отлетала. Не сразу она разобралась в семье. Расстроилась, что после венчания в новом Успенском храме к барину на поклон не поехали, хотелось посмотреть, как барин живет, другого-то случая не представится. Но ведь далеко ехать...

Маменька в день свадьбы наказала, дескать, веры своей надо держаться, православной истинной, а отец молча ухмылялся. Акулина не поняла, к чему это. Уж после сообразила, что новая семья – старой веры. Но венчались в церкви, все чин чинном, прежде брачный обыск подписали, само собой. То есть молодой муж говел перед венчанием и получал о том бумагу в храме. На первую исповедь после свадьбы вместе с мужем пошли. Это потом муж Сергей Силуанов не ходил «за нерадением», как отмечали в духовных росписях. И Михайлу, их старшего сына, научил исповедоваться не батюшке, а старику-наставнику, что иногда приезжал в соседнюю деревню. Но это все через много-много лет.

А так-то в новой семье – живут по обычаям, иконы в красном углу, богатые иконы, не суздальского грубого письма, а тончайшие: с переливами лазоревых небес за тяжелым шерстяным одеянием Крестителя, с золотым, усыпанным багряными плодами садом за Богородицей. Муж сказал – «строгановские» иконы. Она поняла – это значит, краски не такие яростные и их много больше, иной раз не уследишь, как одна в другую переходит, а ведь Акулина в красках хорошо понимала, зрение у нее такое, что даже в сумерках все видит отчетливо.

Если и крестятся новые родственники двоеперстием, так бабушка и тятенька Акулины крестились так же. В церкви. Батюшка за то не ругал.

Странным показалось другое: в новой семье все умели грамоту, даже свекровь – чуть-чуть. Все умели читать, а муж и свекор еще и писали, как муж объяснил: полууставом. Вечером после ужина, пусть не всякий день, а только когда не слишком уставали, свекор читал книгу, толстую, тяжелую, в коричневом кожаном переплете. Звучащие истории нравились Акулине, по ночам ей снились странные сны с героями историй (свекор говорил, что это о святых мучениках и подвижниках). Она во сне спасала мучеников, бродила по небывалому сказочному городу Риму, ползла по волшебным тесным катакомбам под землей, укрощала дивных львов – да? Это же львы были с чешуйчатым хвостом и желтыми перепонками меж когтями?

Но через те же полмесяца, как перестала трепетать пред мужем (за все это время муж ни разу ее не «почил»: не прибил, не потаскал за косы. Ладно, она не

дурочка неумная, знает, что «ученье» от мужа будет, но после, позже. А все же хорошо, что он не сразу злой!), научилась вслушиваться и вживаться в свою уже семью. Вот тогда и поняла про старую веру. Смешно! Ведь ей новые родители, свекор со свекровкой, с первого дня разъясняли, советовали, убеждали. Про наставника говорили, который все растолкует и научит, как к Богу придти. Но Акулину, словно кто колдовским туманом укутал: все слышит, на все вопросы отвечает, а про старую веру – нет, не понимает.

Поняла наконец. Усвоила. Вспомнила матушкин наказ держаться своей веры, но где матушка и где Акулина. Опять же, матушка наверняка знала, в какую семью дочку сбегивает, малолетнюю, не набравшуюся еще ума и сноровки.

Акулина даже на миг не задумалась идти к мало-знакомому батюшке из великорусской церкви ее нового прихода совета просить или исповедоваться об обычаях семьи. Ведь ее никто в новой семье не позволил принимать старую веру: хочешь – так молись, как привыкла, хочешь – по-старому, по-ихнему. По-настоящему, как они говорили. Просили, убеждали, но не приказывали. У мужниной семьи, принадлежавшей к Спасову согласию, закон не слишком строгий. По праздникам, как привыкла, ездила на подводе в церковь, пешком далековато; на исповеди лишнего не говорила – к чему? Муж со свекровкой на праздники иногда ходили в «их» моленную за соседнюю деревню и уж обязательно ходили исповедаться, если приезжал наставник, а приезжал тот издалека. Свекор давно не ходил: ногами ослаб.

Свекор умер скоро, два года с заячьим хвостиком не прошло, стал ее муж Сергей Силуанов хозяином в доме. А дом почти новый, большой просторный пятистенник, редкость по Акулиным временам. Даже зимой, когда топят всю по-черному, в избу, а не наружу открывая двери проветрить (иначе еще не умели), и глаза заволакивает-ломит от едкого дыма, струящегося из печи, можно не выбегать на двор, чтобы прополоскать морозным духом легкие, как в иных избах. Хватает на дыхание даже внутри дома. Большой дом, что говорить. В сенях столько бочек с соленьем и квашеньем умещается, что не сосчитать!

Умер свекор, да и Господь с ним, но забрал с собою первенца Акулины, переслал на младенчика лихорадку. Такое за стариками водится, им скучно уходить в одиночку. Тем более осенью, когда на дворе тяжело и сыро, а Волга делается бурой, как круп гнедой лошадки под грузным дождем.

Тут уж Акулина поплакала вволю: лучше бы свекор на тот, лучший, свет племянника своего Тимошку забрал, дурачка бессмысленного. Племянник вовсе зря хлеб ест, ни к какому делу его не приставишь, даже в подпаски не годится. Попробовали разок, так он отбившуюся корову, за которой его пастух послал, по кустам погнал. Напугал так, что та в кушеры залезла, с порезанным выменем вернулась.

После смерти первенца Акулина перестала жалеть мужнина двоюродного брата-дурачка, принялась на него покрикивать, а то и затрецину влепит. К исповеди не ходит Тимофей – не от старой веры, вроде как «по нерадению», а «по малоумию»; так пишет дячок.

Ведро воды до сеней не донесет – расплещет половину. Только жрать горазд. Однако Акулина защищала Тимошку от насмешек соседских, чуть ли не в драку кидалась. Он же, дурачок, несмотря на взрослые года, с деревенскими мальчишками водился, а мальчишки безжалостные. Акулина боялась про себя (тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо, чтобы не сглазить – ее детки не такими будут!) и сколько раз думала, что если бы ее маменька знала, что в семье дурачки родятся, ни за что бы ее за Сергея не выдала. Или Акулина сама бы ушла от мужа, если у них такое в роду?

Ушла бы? Нет. Куда идти? Тятенька обратно ни в какую не примет. Но не рожала бы, прыгала бы, едва обнаружив, что в тягости, с лавки на пол, с овина сверху в яму овинную, корешки-калган пила бы... Ладно, пусть рожала, но что-то придумывала бы потом, если с ребеночком что неправильное обнаружится... Ох, страшно! Грешно! Помяни Господи царя Давида и всю кротость его!

К счастью, Тимошка не сам собою таков. Племянника свекрова испортила бабка, принимавшая роды. Это все в деревне знали. Не сообразила закопать втайне детское место роженицы. Вот роженица и померла. Ну и головку ребенку повитуха поправила нехорошо. Ой, нехорошо! Говорят, руки у ней грубые были. Вроде несколько деток, принятых ею после Тимошки, тоже такие... Три или пять... Не совсем в природе детки... Говорят, вскоре после рождения племянника бабку и приглашать-то перестали к родильницам, за один лишь пирог платой, без денежки, даже самые скупые не приглашали. Зачем эта бабка? Сколько баб сами ро-

жают, особенно если не первенца; и головки новорожденным не правят, а вырастают хорошие ребятки.

За три с лишком года Акулина сжилась с мужем, стали они как два ствола ивы из одного корня. Пусть почти старый, зато дерется нечасто, жалеет ее. Муж на самом деле неумеренно ее жалел – деревне на удивление Акулина могла полный день в разгар покоса пропустить, когда уже второго ребенка носила. И ведь не на сносях, а в самом начале тягости. Мутило ее сильно, вот Сергей и не брал жену в поле.

Деньги у мужа откуда-то копились, но в его дела она не лезла. Попросила было научить грамоте (ах, эта грамота – какая красота, какая сила!), и Сергей охотно взялся, но более двух-трех слогов читать Акулина не научилась. Некогда: хозяйство же! Хотя большухой, главной по дому после смерти свекра, оставалась свекровь Анна свет Семеновна. Она еще с вечера распределяла кому что делать на завтра, она же печь топила и готовила. Кухарничала свекровь ужасно, дома у Акулины, хотя они много бедней жили, иной раз ели вкуснее. Но в целом хозяйства, нынешнее и прежнее родительское, по запасам, по сытости не сравнить. Одно то, что свекровь частенько к обеду телятину портила (Анна Семеновна называла это «разваривать»), уже показатель. Так же свекровка чуть не всякую неделю, кроме постов, портила сметану, даже масло, а в пост – красную рыбу, икру и еще много всякой дорогой небывалой в родительском доме еды.

Сергей жалел Акулину, что и говорить. И она принялась мужа жалеть в свою очередь. Странно как получается! Обычно молодые живут хорошо первое время,

а уж после начинаются свары. У них с Сергеем напротив: лишь на третий год совместной жизни все наладилось, да так, что наглядеться не могли друг на друга. И здесь бы вот оно, счастье, но Акулина надорвалась, когда под осень, уже год почти без свекра, уставляли овин снопами: сушили рожь. Жадна была Акулина на работу. Надорвалась и скинула ребеночка.

Плакала дольше и горше, чем по смерти первенца. Есть не могла. Ни рыбу, ни телятину разваренную. Хотя этот, тоже мальчишечка, еще и человеком, по сути, не был.

Ивы у дома шумели под злым ветром, скидывали листву. Птицы летели косяками на зимовку со вчерашними птенцами, уверенно вставшими на крыло. Русые заячьи дети выросли, попрятались по перелескам – сами, самостоятельные. На них охотились повзрослевшие волчьи и лисьи дети. Бывшие телята обернулись коровами, лосями и ланями, бывшие щенки – лохматыми громкоголосыми псами. Псов дразнили деревенские парнишки, еще летом ходившие в одной рубашонке, но к осени обрядившиеся в домотканые порты. Все выросли за лето.

– Бог детей не дает! Все из-за твоего упрямства, из-за того, что в церкву не ходишь! – укоряла мужа Акулина. Ее высокие скулы пламенели беспомощным гневом.

– Что ты говоришь, матушка моя! – увещевал Сергей. – Пойдем со мной к нашему наставнику, он научит, где брать силы. Это не помешает тебе ходить в церковь, если хочешь.

Но Акулина не отступила, хотя чуть не год плакала по всяким смешным поводам. То птицу увидит, от стаи

отбившуюся на перелете, – и заплачет, то ягненка ей станет жаль до истерики, если тот ногу подвернет, а то бабочка-синичка в Волгу упадет, рыба ее, радуясь, проглотит, а Акулина, что белье рядом полощет, зальется слезами: жаль напрасной красоты, пусть бабочка и живет всего один день. Вся рыжина с ее волос сошла, как и не было, даже глаза посветлели от слез.

Следующая зима, после зимы за потерями свекра и ребенка, сложилась нескладно, тяжело. Хлеб кончился до начала весны, еще и март не постучался; и с сеном для скотинки не рассчитали, сено кончилось. Муж снял нижний ярус соломенной крыши и солому, которой снаружи стены обвивали для тепла: порубили ту солому на корм скоту, перемешали с остатками сена. Сбитую подстилку на дворе, и ту почти всю извели, а скотинка ревет от голода. Две коровы только-только отелились, кормить их надо, хорошо кормить. И Акулина опять в тягости, уже на сносях. Вот Сергей и продал лошадку, не любимую Карюю со светлой проточиной на лбу и удивительными бархатными губами, а Чагравку с рыжей холкой, но все равно жаль. А после и корову продал, яловую. Свекровка Анна свет Семеновна вздыхала и молилась, но не прекословила: сын забрал хозяйство, пусть сам решает. Только Тимошка-дурачок смеялся, радовался, что поест от пуза, раз деньги появились.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА